

овсем недавно, Оля, ваше имя часто появлялось в печати, а теперь...

— Для «ТВ Парка»

я сделала исключение, потому что мы давно знакомы. А вообще-то я перестала давать интервью для прессы. Больше доверяю телевидению. Скоро на ТВ-6 можете увидеть меня в передаче «Те, кто...»

— Почему же вы обиделись на прессу?

— Потому что несколько раз подряд столкнулась с журналистской небрежностью, непорядочностью. Публиковалось не совсем то и даже совсем не то, что я говорила. Журналистов теперь интересует не творчество... Мне противны попытки сделать из меня некий секс-символ, выдавать за мою совсем не мою речь, грубо искажать факты. Вот спрашивают меня: «Ваша личная жизнь?» Отвечаю: «Люблю и любима. И на этом остановимся». В уважаемом «Собеседнике» мой ответ представлен в такой редакции: «Люблю отчима». Во-первых, у меня отец, а не отчим. Во-вторых...

— Я имел удовольствие познакомиться с вашими родителями. Мне показалось, что в вашей семье очень близкие, очень доверительные, душевные отношения. Вас очень любят, очень вами гордятся...

— Наверное, это самое ценное в моей жизни: мои родители — самые близкие мои друзья. Они меня до сих пор стараются оградить от всех трудностей — как маленькую. Очень боялись, например, что я сама начну водить машину, не могли представить меня за рулем. Знаете, как я училась машину водить? Села за руль — и поехала. Одна, рядом никто не сидел. Конечно, предварительно мне показали, что и где нажимать, переключать.

— Еще ни с кем не столкнулись?

— Поскольку я всегда и везде опаздываю и по натуре импульсивная особа, то, думаю, создаю на дорогах неблагоприятную обстановку. Но Бог мил, единственный раз я попала в дорожное происшествие — прошлой зимой, в феврале, на четвертый день вождения въехала в снегоуборочную машину.

— Пострадала снегоуборочная машина?

— Увы, моя «шестерка». И только после того, как я ее починила, рассказала родителям об этом случае.

ТВ Парк - 1995. - 31 дек. - С8-9.

Дубра

КАБО

«Мы взяли за руки и выпрыгнули из окна четвертого этажа...»

— Тяга к самостоятельности заставила вас уйти из дома?

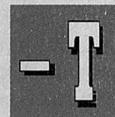
— Я не ушла, просто я стала жить отдельно. Мы каждый день общаемся по телефону и по нескольку раз в неделю видимся. Я уже взрослая женщина, мне захотелось самой быть хозяйкой.

— Любите готовить?

— Люблю, но пока у меня не очень большое разнообразие блюд. Мне доставляет удовольствие поэкспериментировать, сочиняя кондитерские изделия. Обожаю сладкое.

— Не верится, глядя на вашу фигуру...

— Комплекция такая. А еще я спортом регулярно занимаюсь, веду подвижный образ жизни, часто просто не успеваю поесть.

ем не менее, я слышала, вас заставляли худеть...

— На пять килограммов. На таких условиях американский режиссер пригласил меня сниматься в фильме «Без наличных в Заборске».

— Насиливали себя?

— Нет. В контракте было еще записано, что я должна овладеть английским с американским акцентом, на профессиональном уровне танцевать. Меня поселили в колледже в Нью-Йорке и такую дали нагрузку, что за месяц похудела без проблем. Правда, и питалась я по-особому — под наблюдением диетологов.

Вообще-то, я всегда худею, когда много работаю. Так было и в Южной Корее, куда меня пригласили на главную роль в рок-опере «Юнона» и «Авось» в театре «Метрополитен опера», — тоже пять килограммов сбросила. Вернее, они сами сбросились. За месяц. Репетиции шли с небольшими перерывами с девяти утра до двенадцати, до часу ночи. И это при том, что я жила одна в чужой стране, должна была петь по-корейски, абсолютно не зная корейского.

— И тем не менее спели так, что стали чрезвычайно популярны в Южной Корее...

— Это было неожиданностью для меня самой. Возможно, сказалось и то, что накануне я снялась в главной роли в корейском боевике «Леди «S» из Москвы». А еще раньше, четыре с лишним года назад, я была удостоена на кинофестивале в Сеуле приза за лучшее исполнение женской роли в фильме Ал-

лы Суриковой «Чокнутые». Кстати, в Сеуле я дебютировала в новом для себя качестве — как топ-модель. Меня пригласил корейский кутюрье Андрей Кин. И остался доволен — я акнула, когда он прислал мне в гостиницу громадные корзины алых роз. Не поленилась пересчитать — ровно полтысячи.

- Вас, однако, знают не только на Востоке, но и на Западе. Вы жили и работали в Голливуде. Там актеры, в том числе и суперзвезды, чтобы привлечь к себе внимание, охотно идут на скандалы, совершают неординарные поступки. Вы эту «науку» освоили?

— Эпатировать публику — это не для меня. Предпочитаю рекламировать себя своими работами в кино и театре.

— Хорошо, как тогда расценить случай на «Кинофоруме» в зимней Ялте? Помните, все ходили в пальто, дул страш-

ный ветер, а вы купались в море, а затем на берегу в купальнике давали телеинтервью Виктору Мережко?

— Все произошло спонтанно: решили мы вдруг искупаться, не для рекламы, для себя. Телевизионщики из «Кинопанорамы» об этом узнали, быстро установили камеру. Выскочила я из воды, а ко мне Мережко с микрофоном. А вечером заходят к нам Ксения Маринина, режиссер «Кинопанорамы», и Мережко, ведущий, извиняются — мол, вхолостую камера работала, просят повторить съемку. На что я сказала, что купалась для себя, а не для камеры.

Я понимала, что напрасно рискую, — никакая я не моржиха. Просто природная тяга к острым ощущениям оказалась сильнее здравого смысла. Она же помогла мне сыграть роль предводительницы вампиров в американском фильме «Крысиные похороны Брэма Стокера».

— И что это за картина?

— Во многих киосках сейчас можно купить кассету с этой лентой и наклейкой: «Суперхит с Ольгой Кабо. Приключенческий фильм ужасов». Для себя я здесь открыла, что могу быть не только лирической героиней. Что мне под силу и очень характерная роль. Настолько характерная, что мои друзья, которые видели фильм, не могли меня узнать — так там изменена внешность, так непривычен характер персонажа, которого я играю. Между прочим, мои американские партнеры удивлялись, что я абсолютно все делала без каскадеров.

— Принципиально отказывались?

— Мне нравится от начала до конца все делать самой: самой говорить за себя (в американских фильмах я сама себя озвучивала), самой петь, самой трюки делать... Потом, знаете, роль в любой картине — это как твой ребенок. Ты его рождаешь, ты хочешь, чтобы как можно больше в его судьбе зависело от тебя, а не от других.

Эту каскадерскую линию в своей жизни я продолжила в фильме Александра Иншакова, президента Ассоциации каскадеров, и Михаила Туманишвили «Крестоносец». Это история о своего рода Джеймсе Бонде (его сыграл Александр Иншаков, он же выступил в качестве продюсера) и его романтической любви, которой никто не может помешать. Я и на лошади скакала, и дралась, и фехтовала — замечательный был бой на мечах...

Последний эпизод — кульминация съемок: мы взяли за руки и выпрыгнули из окна четвертого этажа.

Мы упали на трехметровый слой пустых картонных коробок — оказывается, это самый надежный амортизатор.

Было не очень приятно и очень страшно. Но после прыжка я чувствовала себя героиней. Мне каскадеры в тот день подарили огромную бутылку шампанского и объявили, что я первая российская женщина, которая сделала такой трюк. И более того, в тот день я стала первой актрисой — членом Ассоциации каскадеров. Одно теперь боюсь — как бы не начали меня приглашать лишь на трюковую работу.

«К

рестоносец» — сороковая по счету моя картина. Я решила, что это какой-то рубеж, что пришло время остановиться, оглянуться... Каждый фильм по своему дорог. Я не могу сказать, что жалею, что в каком-то снялась, ни о чем не жалею, для меня это практика. Но любимых работ, в которых, как мне кажется, я заявила о себе как актриса, всего три-четыре. Это картина Льва Кулиджанова «Умирать не страшно», где у меня драматическая роль с замечательными партнерами: Глузским, Чурсиной, Тараторкиным, Никоненко. Это «Чокнутые» и «Две стрелы» Аллы Суриковой, где я могла вволю фантазировать. Люблю «Бесы» — отца и сына Таланкиных. Моя героиня Елизавета Николаевна — совсем не такая, как я, — взбалмошная, капризная и очень несчастная.

— Вы — не взбалмошная...

—...Не капризная и счастливая. Во всем. Считаю себя оптимистом. У меня, конечно, как у любого человека, бывают неприятности, плохое настроение, бывает, плачу в подушку. Но, плача, знаю, что проснусь утром, и придут новые впечатления, новые эмоции и все плохое обязательно пройдет.

Геннадий Белостоцкий

